

В. В. Цуркан

УДК 821.161.1

ББК Ш5(2=Р) 5-4

В. В. Цуркан¹

ORCID: 0000-0002-0096-960X

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
veravts2013 @ yandex.ru*

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ МОТИВЫ В КНИГЕ З. ГИППИУС «ЖИВЫЕ ЛИЦА»

В статье анализируется книга мемуаров З. Гиппиус «Живые лица», которая является весьма ценным источником для знакомства с пережившими революционный разлом писателями, поэтами, историческими деятелями Серебряного века. Передавая своеобразие переломной эпохи, З. Гиппиус прибегает к созданию литературных портретов А. Блока, А. Белого, В. Брюсова, В. Розанова, А. Вырубовой, Ф. Сологуба. Постижение их образов для автора немислимо вне религиозно-философского контекста времени и собственного богоискательства. Проблемы смерти и бессмертия, правды и праведности, греха и воздаяния формируют сквозной мифосюжет очерков «Живых лиц». Значимыми в книге становятся мотивы искупления, возмездия, бессмертия, которые в понимании З. Гиппиус в соответствии с христианскими канонами рассматриваются как основа процесса вочеловечения. Критика волнует вопросы о сложности и цели бытия. Внимание З. Гиппиус неизменно переходит от внешнего к внутреннему, религиозно-философский подтекст теснит воспоминания о деталях быта. Автор стремится наиболее полно выразить состояние духа портретируемых. Для этого в документально-мемуарную форму литературного портрета привносится психологизм, необходимый для узнавания «своего» в «чужом» собеседника. Создание «живых» портретов современников становится для З. Гиппиус, вместе с тем, вариантом оправдания собственной эстетической практики. Ей удастся сделать судьбу портретируемых персонажей частью собственного мифа,

---

¹ Цуркан Вероника Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

интерпретировать смерть героев не как конец, а как возможность перехода в новое качество, актуализировать идеи воздаяния и спасения, а также показать свое «живое» лицо с симпатиями и антипатиями.

Ключевые слова: З. Гиппиус, литературный портрет, А. Блок, В. Розанов, В. Брюсов, мотивы искупления, бессмертия, возмездия

Введение

Мемуарная проза – важнейшая область литературно-критической деятельности З. Гиппиус. Подобно В. Ходасевичу, Г. Адамовичу, Н. Берберовой, И. Одоевцевой, П. Струве своей целью З. Гиппиус считала «популяризацию и сохранение национального наследия» [14, 115] в эмиграции. Авторы ряда работ [2;3;8;10], посвященных исследованию творчества выдающейся поэтессы, писателя и критика, как правило, обходят стороной вопрос о религиозно-философском подтексте книги воспоминаний «Живые лица» (1925). Исключение составляет М. Шагинян, которая видела в З. Гиппиус художника «религиозного, все равно, какой материей не одевавшего бы <...> религиозную сущность своего творчества» [15].

Основные постулаты христианства переживались З. Гиппиус в личном опыте, предполагавшем единство жизни, философии и искусства. Пребывая вместе с Д. Мережковским в поиске ориентиров «нового религиозного сознания», она мечтала о том, чтобы «все люди объединились в одну веру» [6, 176]. «Действенный религиозный гнозис» [15], присущий поэзии З. Гиппиус, повлиял и на содержание книги «Живые лица», в которой жизнь и смерть, взлеты и падения, счастье и страдание рассматриваются как «предельные» состояния портретируемых персонажей. Ставя задачу «говорить правду <...> и о живых, и о мертвых» [4, 21], с которыми «встреч уже не будет на этом свете» [4, 64], автор актуализирует одну из центральных философско-религиозных проблем, поскольку «живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению» (Еккл. 9: 5-10).

Мотив искупления

В мемуарном нарративе «начало – конец и смерть неразрывно связаны с возможностью понять жизненную реальность как нечто осмысленное» [9, 417–418]. Осознание конечности человеческого существования на рубеже XIX–XX веков обострилось не только ввиду «смерти» Бога. Дополнительным импульсом, определившим

В. В. Цуркан

волну эсхатологических ожиданий, стали русско-японская и Первая мировая война, революции 1905 и 1917 года. З. Гиппиус удалось передать в своем творчестве ощущение приближающейся катастрофы. В поисках противоядия от всепоглощающего и обезличивающего страха перед грядущим апокалипсисом она писала: «Тройная правда – и тройной порог. / Поэты, этому верному верьте. / Только об этом думает Бог: / О Человеке. / Любви. / И смерти» [5].

Несмотря на весьма специфические, порой «равные» отношения с Богом в поэтическом творчестве, З. Гиппиус всегда оставалась религиозным человеком. Возможно, поэтому метафизический «пейзаж» души А. Блока, открывающий книгу, представляет ступени эволюции личности поэта в свете авторского понимания истины. Дважды в очерке (в эпиграфе и в финале), как набат, звучат строки из знаменитого блоковского стихотворения: «И пусть над нашим смертным ложем / Взойдется с криком воронье... / Те, кто достойней, Боже, Боже, / Да внидут в царствие Твое!» [4, 11]. Блокская отсылка к Нагорной проповеди (Христос говорил ученикам: «Если не будет праведность ваша щедрее, нежели праведность книжников и фарисеев, не войдете вы в Царствие Небесное» (Мф. 5–7:20)), не только усиливает значимые для З. Гиппиус образы смерти и воскресения, но и вводит в воспоминание мотив возмездия за отступничество от правды и праведности, понимаемые как исполнение обязательств в отношениях с людьми и с Богом. Именно поэтому очерк построен на противопоставлении А. Блока его «другу–недругу» А. Белому, «исключительно неправдивому», «мелодраматичному» «космополитичному» [4, 24–25].

Вместе с тем, как писал С. Маковский, стремясь «свести все проблемы жизни к Нему <...> Единому, Единственному» [11, 107], З. Гиппиус оставалась в первую очередь художником. На эту ее двойственность обращал внимание и Г. Адамович в книге критических статей «Одиночество и свобода»: «Оценить ее (З. Гиппиус – В. Ц.) по-настоящему, можно было лишь в беседе с глазу на глаз, когда она говорила <...> то, что действительно думала, и когда вдруг за непрерывно вьющейся нитью ее полуфраз и полувопросов чувствовалось что-то трагическое, пожалуй, тот «мертвый ястреб», с которым сама она сравнивала свою душу в одном из лучших своих стихотворений» [1, 64].

В «Живых лицах» порой чувствуется, как мемуарист уступает место поэту. Субъективность заметна и в заглавиях литературных портретов («Мой лунный друг (о Блоке)», «Одержимый (о Брюсове)»,

«Задумчивый странник (о Розанове)», «Благоухание седин (о многих)»), и в перепадах интонации, и в многочисленных отступлениях. Определение «мой лунный друг», адресованное А. Блоку, истолковывается автором в символистском ключе. З. Гиппиус важно подчеркнуть мистические стороны в блоковской натуре, незащищенность «вечного юноши» [4, 39], который «всегда будучи с вами еще был где-то» [4, 16]. Блоковская «недосказанность и темность» [4, 23], «вечное хождение около жизни» [4, 39] интерпретируются как следствие уязвимости перед действительностью. Трагедия А. Блока, когда он, потеряв сына, получает возможность «прикоснуться» к суровой реальности, побуждает автора к довольно жестокой риторике: «Но нужна ли была поэту эта связь? Останься сын его жив – что дал он поэту? Не прекрасно ли это – вечный юноша?» [4, 39]. Показательна оговорка, венчающая эту цепочку вопросов: «Сознавал ли это Блок так ясно, так грубо, как я сейчас это пишу? Нет, конечно» [4, 39]. Несмотря на то, что символистский имидж творца для автора «Живых лиц» оказывается важнее страданий живого человека, эстетический аспект в оценке личности А. Блока неотделим от религиозно-философского. Прощая «непрощаемое» («кошунство» поэмы «Двенадцать», блоковское стремление «петь Интернационал» [4, 59]), З. Гиппиус предсказывает «духовное воскресение» [4, 62] художнику, достигшему «той высоты, которой не достигали, может быть, не падавшие <...> ибо страданием и смертью он искупил не только свою вольную или невольную вину, но, может быть, отчасти позор и грех России» [4, 63].

Мотив бессмертия

Размышление о значимых философских категориях звучит и в статье о В. Розанове, не раз утверждавшем, что «жажда земного бессмертия, есть самое удивительное и совершенно несомненное чувство в человеке» [12, 12]. Амбивалентный образ В. Розанова (для З. Гиппиус он и «живой», и «каменный» [4, 157]), поражает читателя, с одной стороны, компромиссностью, а с другой – «внутренней несклоняемостью» [4, 160]. Принципиальным в оценке «задумчивого странника» для критика становится тот факт, что В. Розанов «ничего не отверг, ничего не принял, ничему не изменил» [4, 223]. Даже «еретичество» Розанова, как отмечает З. Гиппиус, «исходило из его религиозной любви к Божьему миру, из религиозного его вкуса к миру, ко всей плоти» [4, 171].

З. Гиппиус признается, что ей трудно прилагать общечеловеческие мерки к личностям А. Блока и В. Розанова, ведь оба

В. В. Цуркан

они – явления «исключительной», «редкой» [4, 157] ценности. Заблуждения и ошибки были прощены «лунному другу» за его всепоглощающую любовь к Родине. В. Розанов для З. Гиппиус – еще более «архирусский» [4, 181]. «Невзрослый» А. Блок и «нашаливший ребенок» [4, 183] В. Розанов, шепчущий «как мальчик <...> строгому церковному богу» [4, 184] сближены в своей «детскости», которая даже в моменты сомнений помогает им сохранить душу (и здесь еще одна аллюзия: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18: 3)).

Ни в одном очерке, включенном в книгу, слова «душа» и «духовность» не повторяются так часто, как в воспоминаниях о В. Розанове. «Дышит» каждая строка розановского творчества, весь его организм. «Нельзя, невозможно, – восклицает З. Гиппиус, – так выворачивать наизнанку себя, своих близких и далеких, так раздеваться всенародно» [4, 212]. Во второй части мемуара о «задумчивом страннике» розановская «душа-путаница» мифологизируется: она и болит, и страдает, и «зябнет» [4, 197]. Духовному состоянию умирающего писателя противопоставлены картины «тягучего удушья» [4, 216] революции с ее вестями о гибели сына, пятнадцатилетнего Васи, арестами и расстрелами, рождающими «осязательное» ощущение смерти, «холода», «озноба души» [4, 203]. Молитва из книги В. Розанова «Опавшие листья» завершает очерк: «Господи, неужели Ты не велишь бояться смерти? Неужели умрем, и ничего? Господи, неужели это – Ты» [4, 224]. Две смерти – великого поэта и большого писателя – осмыслены З. Гиппиус в космической перспективе: «Погасло явление» [4, 223].

Мотив возмездия

Апологизируя дорогие сердцу имена, З. Гиппиус с сарказмом пишет о «книжниках» и «фарисеях». Высокие чувства и праведные отношения в «Живых лицах» противопоставлены «лукавству и хитрости людей в их обманчивых замыслах» (Павел 4:15). В одном ряду с образами А. Белого, который «только и говорил, что о христианстве», умея «находить с каждым его тему» [4, 26] и участницы «четвертого акта русской трагедии» [4, 147] Анны Вырубовой в «Живых лицах» стоит В. Брюсов, натуру которого понять, как утверждает З. Гиппиус, ей удалось одной из немногих: «Изумительно, однако, что никто ни разу не спохватился: да что же это за человек? Да живой он или мертвый? Никто, ни разу: с такой мастерской хитростью умел Брюсов скрывать своеобразную мертвость души, мысли и сердца» [4, 90].

В очерке «Одержимый» В. Брюсов представлен как человек поз: «наполеоновской», «европейской», «демонической», «космополитической». Маска вождя русского символизма, считает З. Гиппиус, – самая страшная, ибо «Брюсов никакого искусства не любил и любить не мог» [4, 79]. Доминантой образа поэта-жреца становится его бешеное честолюбие, подчинявшее все на пути к заветной цели. Стремясь до конца быть верной своей метафизике («Я изменяюсь, но не изменяю» [7]), Гиппиус отвергала «всеядность» Брюсова уже в эпиграфе к очерку, взятом из собственного шуточного стихотворения: «Но всех покоря – ты вечно покорен: / То зелен, то красен, – то розов, то черен» [4, 64]. И совсем не шуточно, а саркастически звучат авторские характеристики творчества мэтра: «мрачная экзальтация», «некрофильские стихи», «мертвая страсть», «мертвенный холод» [4, 79]. Доказательством испеления брюсовской души становится появление двойников: «Для Брюсова черт выдумал <...> очень интересную обезьяну», народившуюся «в виде Игоря Северянина» [4, 93].

Тем не менее, исповедуя главный христианский принцип – «Возлюби!», З. Гиппиус стремится к объективности. В мемуаре подчеркивается и то подлинное, что подчас проскальзывало в облике поэта: «живые глаза», «догадливый ум и способность сосредоточения воли» [4, 70], «способность к стилю» [4, 86], «тонкость внешнего понимания стихов» [4, 86], любовь к жене, которую он любил «почеловечески, сколько мог» [4, 73]. Даже поставив крест на В. Брюсове, отошедшем после революции за «непереступимую черту человеческую» [4, 66], З. Гиппиус проявляет милосердие к его сожженной честолюбием и страстью душе, восклицая: «Как жестока жизнь. Как несчастен человек!» [4, 101].

Заключение

В книге «Живые лица», о которой В. Ходасевич писал как об «одном из первоисточников по изучению минувшей литературной эпохи» [13, 524], З. Гиппиус удалось создать многогранные портреты современников во-многом благодаря обращению к религиозно-философскому контексту. Несмотря на известный схематизм сюжетных построений, критику удалось сказать не только о людях, но также их душах, увидеть в смерти героев не конец, а возможность перехода в новое качество. Ведь, как писала М. Шагинян, «не успокоенное блаженство в Боге – тайна молитвы и знаний Гиппиус, а ношение в себе Бога, ношение в себе вечного знания Бога и хотений Его, которые выше, тяжелей и шире души» [15].

Список источников

1. Адамович, Г. В. Одиночество и свобода. Москва: Республика, 1996. 446 с.
2. Богомолов Н. А. Любовь – одна (О творчестве Зинаиды Гиппиус) // Гиппиус З. Н. Стихотворения; Живые лица. Москва: Художественная литература, 1991. С. 5–22.
3. Бучкина Е. А. Трансформация жизненной практики как способ конструирования мифа о творце в культуре серебряного века (на материале мемуаров З. Гиппиус «Живые лица») // Вестник ВятГГУ. 2010. № 2 (2). С. 145–147.
4. Гиппиус З. Н. Живые лица. Санкт-Петербург: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019. 288 с.
5. Гиппиус З. Н. Стихотворения, не вошедшие в сборники [Электронный ресурс]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/gippius-zinaida/stihotvoreniya-ne-voshedshie-v-sborniki/112> (дата обращения: 10.04.2023).
6. Гиппиус З. Н. Светлое озеро. Путевой дневник [Электронный ресурс] // Новый Путь. 1904. № 2. URL: <https://knigogid.ru/books/1506303-svetloe-ozero/toread/fragment> (дата обращения: 10.04.2023).
7. Гиппиус З. Н. Улыбка [Электронный ресурс] // Серебряный век. Поэзия. Стихи русских поэтов рубежа 19–20 вв. URL: https://silveragepoetry.blogspot.com/2017/01/blog-post_672.html (дата обращения: 10.04.2023).
8. Кириллова Е. Л. Мемуарная проза русского зарубежья первой волны: К вопросу о жанре и метажанре. «Живые лица» З. Гиппиус, «Некрополь» В. Ходасевича, «На берегах Невы», «На берегах Сены» И. Одоевцевой, «Курсив мой» Н. Берберовой, «Самопознание» Н. Бердяева: монография [Электронный ресурс]. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2019. URL: <https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary> (дата обращения 02.04. 2023).
9. Лотман, Ю. М. Смерть как проблема сюжета // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. Москва: Гнозис, 1994. С. 417–432.
10. Ляшенко, А. Е. Замятин и З. Гиппиус («Лица» и «Живые лица») // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня: научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы / М-во образования Рос. Федерации, Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов: ТГУ, 1994. Кн. 10. 2000. С. 45–50.

11. Маковский, С. К. На Парнасе Серебряного века. Москва: Наш дом – L'Age d'Homme; Екатеринбург: У-Фактория, 2000. 393 с.
12. Розанов, В. В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Лит очерки. О писательстве и писателях. Москва: Республика, 1996. 702 с.
13. Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник. Избранное. Москва: Советский писатель, 1991. 684 с.
14. Цуркан В. В. «Тайна» гения в статье П. Струве «Дух и слово Пушкина»//: Взаимоотношения России и Сербии: гуманитарные науки сегодня. Белград, 2017. С. 115–121.
15. Шагинян М. С. О блаженстве имущего: Поэзия З. Н. Гиппиус. [Электронный ресурс] // З. Н. Гиппиус: pro et contra. Санкт-Петербург: РХГА, 2008. URL: <http://russianway.rhga.ru/section/katalog/gippius-z-n.html> (дата обращения 10.04.2023).

REFERENCES

1. Adamovich G. V. Odinochestvo i svoboda. Moscow: Respublika, 1996. 446 p. (In Russ.).
2. Bogomolov N. A. Lyubov' – odna (O tvorchestve Zinaidy Gippius) // Gippius Z.N. Stihotvoreniya; ZHivye lica. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1991. Pp. 5–22. (In Russ.).
3. Buchkina E. A. Transformaciya zhiznennoj praktiki kak sposob konstruirovaniya mifa o tvorce v kul'ture serebryanogo veka (na materiale memuarov Z. Gippius «ZHivye lica») // Vestnik VyatGGU. № 2 (2)-Kirov, 2010. Pp. 145–147. (In Russ.).
4. Gippius Z. N. Zhivye lica. Sankt-Peterburg: OOO «Izdatel'skaya Gruppa «Azbuka-Attikus», 2019. 288 p. (In Russ.).
5. Gippius Z. N. Stihotvoreniya, ne voshedshie v sborniki [Elektronnyj resurs]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/gippius-zinaida/stihotvoreniya-ne-voshedshie-v-sborniki/112> (accessed 10.04.2023). (In Russ.).
6. Gippius, Z. N. Svetloe ozero. Putevoj dnevnik [Elektronnyj resurs] // Novyj Put'. 1904. №2. URL: <https://knigogid.ru/books/1506303-svetloe-ozero/toread/fragment> (accessed 10.04.2023). (In Russ.).
7. Gippius, Z. N. Ulybka [Elektronnyj resurs] // Serebryanyj vek. Poeziya. Stihi russkikh poetov rubezha 19–20 vv. URL: https://silveragepoetry.blogspot.com/2017/01/blog-post_672.html (accessed 10.04.2023). (In Russ.).
8. Kirillova, E. L. Memuarnaya proza russkogo zarubezh'ya pervoj volny: K voprosu o zhanre i metazhanre. «ZHivye lica» Z. Gippius,

B. B. Цуркан

«Nekropol» V. Hodasevicha, «Na beregah Nevy», «Na beregah Seny» I. Odoevcevoj, «Kursiv moj» N. Berberovoj, «Samopoznanie» N. Berdyajeva: monografiya [Elektronnyj resurs]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta, 2019. URL: <https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary> (accessed 02.04. 2023). (In Russ.).

9. Lotman Y. U. M. Smert' kak problema syuzheta // Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola. Moscow: Gnozis, 1994. Pp. 417–432. (In Russ.).

10. Lyashenko A. E. Zamyatin i Z. Gippius («Lica» i «ZHivye lica») // Tvorcheskoe nasledie Evgeniya Zamyatina: vzglyad iz segodnya: nauchnye doklady, stat'i, ocherki, zametki, teziy / M-vo obrazovaniya Ros. Federacii, Tambovskij gos. un-t im. G. R. Derzhavina. Tambov: TGU, 1994. Kn. 10. 2000. Pp. 45–50. (In Russ.).

11. Makovskij, S. K. Na Parnase Serebryanogo veka. Moscow: Nash dom – L'Age d'Homme; Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2000. 393 p. (In Russ.).

12. Rozanov V. V. Sobranie sochinenij. Legenda o Velikom inkvizitore F.M. Dostoevskogo. Lit ocherki. O pisatel'stve i pisatelyah. Moscow: Respublika, 1996. 702 p. (In Russ.).

13. Hodasevich V. F. Koleblemyj trenochnik. Izbrannoe. Moskva: Sovetskij pisatel', 1991. 684 p. (In Russ.).

14. Tsurkan V. V. «Tajna» geniya v stat'e P.Struve «Duh i slovo Pushkina» // Vzaimootnosheniya Rossii i Serbii: gumanitarnye nauki segodnya. Belgrad, 2017. Pp. 115–121. (In Russ.).

15. Shaginyan M. S. O blazhenstve imushchego: Poeziya Z. N. Gippius. [Elektronnyj resurs] // Z. N. Gippius: pro et contra. Sankt-Peterburg: RHGA, 2008. URL: <http://russianway.rhga.ru/section/katalog/gippius-z-n.html> (accessed 10.04.2023). (In Russ.).

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL MOTIVES IN THE BOOK
BY Z. GIPPIUS «LIVING FACES»

Veronika V. Tsurkan

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the
Department of Linguistics and Literature, Nosov Magnitogorsk State
Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article analyzes the book of memoirs by Z. Gippius "Living Faces", which is a very valuable source for acquaintance with writers, poets, historical figures of the Silver Age who survived the revolutionary

rift. Conveying the originality of the turning point, Z. Gippius resorts to creating literary portraits of A. Blok, A. Bely, V. Bryusov, V. Rozanov, A. Vyubova, F. Sologub. Comprehension of their images is unthinkable for the author outside the religious and philosophical context of time and his own search for God. The problems of death and immortality, truth and righteousness, sin and retribution form a cross-cutting mythos of the essays of "Living Persons". Central to the book are the motives of redemption, retribution, immortality. Retribution in the understanding of Gippius in accordance with the Christian canons is considered as the basis of the process of incarnation. Z. Gippius is concerned about the complexity and purpose of being. Her attention invariably shifts from the external to the internal, religious and philosophical overtones crowd memories of the details of everyday life. The author strives to fully express the state of mind of the portrayed. To do this, the documentary-memoir form of a literary portrait introduces the psychologism necessary to recognize "one's own" in the "stranger" of the interlocutor. The creation of "living" portraits of contemporaries becomes for Z. Gippius, at the same time, an option to justify his own aesthetic practice. She manages to make the fate of the portrayed characters part of her own myth, interpret the death of the heroes not as the end, but as an opportunity to transition into a new quality, actualize the ideas of retribution and salvation, and also show her "living" face with likes and dislikes.

Keywords: Z. Gippius, literary portrait, A. Blok, V. Rozanov, V. Bryusov, motives of redemption, immortality, retribution

Для цитирования: Цуркан В. В. Религиозно-философские мотивы в книге З. Гиппиус «Живые лица» // Libri Magistri. 2023. № 2. С. 20–29.

Поступила в редакцию 19.04.2023